

Ирина Покмакова

СОСНЫ ШУМЯТ

П О В Е С Т Ь

Москва

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1974

НОЧЬ

Сейчас ночь. Тамара не спит. Тётя Нюра, которая дежурит сегодня, сидит в уголке. Там на маленьком столике горит коптилка — баночка с керосином, а в ней фитилёк. Ребята спят. А Тамара не спит. Тамара плачет. Рядом стоит

Валина кроватка. Вале три года. Он ещё очень маленький. Он ничего не понимает и не помнит. Он спит спокойно. А Тамара — большая. Ей уже шесть. Тамара знает, что сейчас война. Что её привезли в деревню Сосновку, «в глубокий тыл», из Минска. В Сосновке она живёт с ребятами в светлом деревянном доме, который раньше был школой, а теперь он называется «Дом ребёнка». В Минске осталась Тамарина мама. Тамара всё время ждёт маму. Ночью она не может спать. Она слушает, как шумят за окном сосны. В открытую форточку пахнет дождём. Ночью Тамаре кажется, что мама никогда не придет. И она тихонько плачет, чтобы не услышала тётя Нюра. Потом она засыпает.

ОЛЕСЯ

А утром в большое незанавешенное окно весело светит солнце. Тётя Нюра кричит: «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно!» В школу никто не ходит, это просто у тёти Нюры такая будилка.

Прибегает Олеся. Олеся — большая девочка, дочка Веры Александровны — заведующей.

— Ребята! — говорит она. — Тётя Нюра отпускает вас после завтрака со мной гулять. Собирайтесь скорее.

Она помогает тёте Нюре принести с кухни кашу. Ребята старательно выскребают кашу из глиняных мисок. Добавки не будет. Тётя Нюра говорит, вздыхая: «Война».

Собрались. Построились парами. Тамара, как всегда, в паре с Инночкой-красавицей. Её так зовут, потому что так её называет папа. Инночкин папа на фронте. Он пишет ей письма, а тётя Нюра читает их два раза: один раз Инночке, а потом всем ребятам. Инночкин папа написал: «Всё будет хорошо, Инночка-красавица, мы обязательно победим фашистов».

Тамара думает: «Какие они — фашисты? Наверно, толстые, красно-мордые и косоглазые». Из-за них мама не едет за Тамарой...

Олеся выводит ребят во двор. Высокие сосны окружили дом, как будто играют в каравай. Кажется, сейчас запоют: «Каравай, каравай, кого любишь — выбирай». Но у них получается только бесконечное «ш-ш-ш-ш-ш», и они с досады размахивают ветками и сыплют на землю сухую хвою.

Олеся говорит:

— Тамара, ты будешь за старшую. Построй ребят полукругом, а я сбегаю за Альфой.

Альфa — это Олесина овчарка. Сейчас они будут её дрессировать. Ребячий круг смыкается. Олеся и Альфа — в середине. Ушки у Альфы — торчком, шерсть серебристо-серая. Она виляет хвостом и дрессироваться не хочет. Олеся кричит ей:

— Альфа, сидеть, сидеть!

Альфа нехотя садится. Олеся гладит её по голове. Надо бы дать ей сахару, но сахару у Олеси нет. Утром она сама пила противный, сладковатый чай с сахарином.

— Альфа, лежать! — командует Олеся.

Альфа и не думает ложиться. Она увидела Кашлатика — рыжего важного кота, который эвакуировался из Москвы вместе с Олесей и Верой Александровной.

Альфа бежит по кругу, потом прорывает его там, где

стоит маленький Валя, и кидается за котом. Кашлатик, не хуже белки, одним махом взлетает на сосну. Альфа на него громко лает, ребята хохочут. На этом дрессировка кончается.

РОЯЛЬ И СМЕТАН СМЕТАНЫЧ

Как-то раз в коридоре шёл странный разговор. Заведующая Вера Александровна и завхоз Исаак Маркович разговаривали друг с другом сердито и непонятно.

Тамара ходила в бельевую за наволочками и всё слышала.

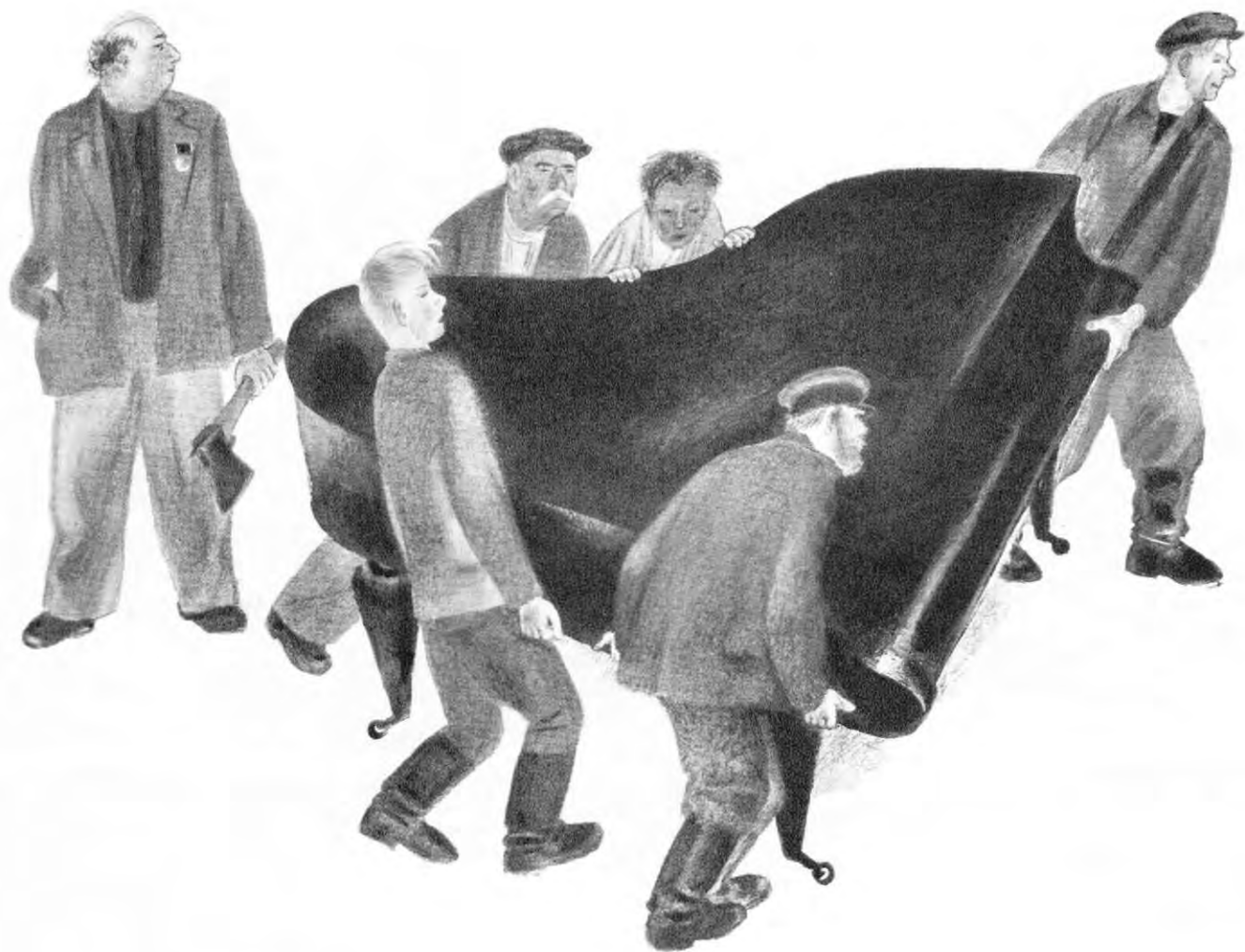
— Я знаю, что война. Ну и что же? — говорила заведующая. — Нам ведь не только их растить, нам их и воспитывать надо. Вкус им прививать. Развивать чувство прекрасного.

— Вы фантазёрка! — кричал завхоз, размахивая своей единственной левой рукой. — Это не реально. У нас нет на это денег. Мне нужны лошади. Лошади, а не фигли-мигли! Мне нужно возить дрова со сплава. Я же не могу навозить дров на всю зиму на одном нашем дохлом Мишке! Мне нужно платить за лошадей. Я должен их а-рен-довать!

Так они покричали и ушли.

А на следующий день шуму в коридоре было ещё больше. Ходили какие-то чужие дядьки. Открывали двери. Вторая половинка, которая была на крючке, открываться не хотела. Её колотили топором. Кто-то говорил: «Снимите с петель, снимите же её с петель!» И наконец много людей сразу внесли в коридор через кухню (ребятам ходить в эту дверь запрещалось) большущий рояль. Его поставили в коридоре, в углу, и он стоял там, как испуганный чёрный слон. Ребята подходили к нему, гладили его и ждали, что же будет дальше.

А дальше было вот что. После полдника к ребятам пришла Вера Александровна и сказала:

— Возьмёте каждый свой стульчик и пойдёте в коридор.

В коридоре за роялем сидел высокий, очень худой старик.

— Это Степан Степаныч, — сказала Вера Александровна. — Ваш учитель. Садитесь все возле рояля.

Ребята пошумели, повозили стульчиками и наконец расположились и затихли. Степан Степанович сказал:

— Мы сейчас выучим песенку. — И заиграл. И запел. Он пел тихим голосом смешную песенку:

Мой маленький ослик на рынок пошёл,
Мой малёнький ослик сто крынок нашёл.
Ни красных, ни белых,
Ни битых, ни целых,
Мой маленький ослик сто крынок нашёл!

Ребята быстро выучили песенку про ослика. А потом Степан Степанович рассказал им, что у него есть сын и что его сын — лётчик, он воюет с фашистами и с фронта прислал Степану Степановичу песню, которую любят петь лётчики. Это была взрослая, серьёзная песня. Но Степан Степанович спел её ребятам, и они запомним припев и подпевали:

Петлицы голубые,
Петлицы боевые,
Я вижу вас при свете и во мгле.
Лети, мой милый сокол,
Лети, мой друг, высоко,
Чтоб было больше счастья,
Счастья на земле!

А вечером, когда все легли спать и тётя Нюра вышла из комнаты, был такой разговор.

— Тамара, а Тамар... — шептал Валя. — Это что — сокол?

— Птица такая.

— Тамар, а про какой же тогда самолёт мы пели? Ведь про него поют, что он сокол, а как это — самолёт и сокол?

— Наверно, такой волшебный самолёт, — шепчет в ответ Тамара. — Как птица. У него белые железные крылья.

— И он ими машет, да?

— Машет. И на них красные звёзды.

— И он убьёт всех фашистов?

— Убьёт. И тогда приедет моя мама.

— И моя?

— И твоя...

Степан Степанович стал приходить к ребятам часто. Ребята полюбили его. Им всё нравилось в старом учителе: и как тихо и мягко он разговаривает, и как красиво поёт, и как прямо и ровно ходит — как военный. Только маленький Валя никак не мог выговорить его имени и отчества правильно. У него получалось что-то вроде «Сметан Сметаныч». Ребята так и стали звать своего учителя — Сметан Сметаныч. За глаза, конечно. А то ещё обидится. Они ведь не со зла, а просто передразнивают Вая.

РЕПЕРТУАР

Однажды, когда Сметан Сметаныч пришёл на урок, с ним вместе появилось непонятное слово: «репертуар».

— Нужен же репертуар, — говорил он тётке Нюре и Вере Александровне. — Помилуйте, как же так — просто взять и выступать?

Потом на урок прибежала Олеся и тоже говорила: «Репертуар, репертуар».

Ребята толком ничего не поняли. Но с этого урока стали не просто все хором петь песни, но каждый ещё дополнительно разучивал свою песенку или стишок.

Инночка-красавица выходила на середину коридора и объявляла:

— Моцарт. «Колыбельная». — И начинала петь тоненько-тоненько:

Спи, моя радость, усни...

Валя тоже выходил на середину. Он читал стихи. У него получалось так:

Взяй баясик
Каяндасик.

То есть «взял барашек карандашик». Смешно, конечно,

но над ним не смеялись. Хвалили даже. Валя ведь маленький,

А Тамара танцевала под музыку.

Когда Степан Степанович играл что-нибудь красивое и медленное, ей так и хотелось медленно поднимать руки и кружиться. Олеся как-то случайно увидела, как Тамара в уголке, в коридоре, кружится и приседает.

— Степан Степанович, — сказала она, — а Тамара-то у нас настоящая балерина. Не поставить ли нам ещё и балетный номер?

— Превосходная мысль, — обрадовался он. — Она будет танцевать «Сентиментальный вальс». Неплохо, а?

И он заиграл красивую музыку, а Олеся показывала, что надо делать, и Тамара плавно поднимала руки, и ходила по кругу на цыпочках, и у неё было очень радостно на душе.

ГОСПИТАЛЬ

Скоро выяснилось, что «репертуар» — это всё вместе: и песня лётчиков, и Инночкин Моцарт, и «Баясик», и Тамарин вальс, и всё-всё, что ребята выучили со Сметан Сметанычем. А учили они это всё не просто так, а потому что их пригласили в гости раненые из госпиталя; а чтобы раненым было интересно, ребята и приготовили «репертуар».

Олеся сшила Тамаре белое платье из марли с коротенькой юбочкой и множеством оборок. Это называлось «пачка». Всем ребятам починили ботинки.

И вот наконец Вера Александровна пришла и сказала: — Завтра едем.

Утром после завтрака в телегу запрягли Мишку. На дно телеги положили сено и байковые одеяла. Взяли с собой хлеба. Тётя Нюра сказала:

— Мало ли что.

И ещё взяли с собой горшок — тоже «мало ли что». И ещё — два бидона с водой.

Потом нарядились. Потом пришёл Степан Степанович. И Вера Александровна. И Олеся. И все поехали. Мишка шёл медленно. Его погоняли. Но он всё равно шёл медленно, потому что ему было тяжело. Все нервничали и боялись опоздать.

Потом у Мишки порвался какой-то чересседельник. Потом Тамара захотела пить, и все захотели пить, и тётя Нюра всех поила и ругалась.

Наконец проехали большое поле и въехали в город и так затряслись по булыжной мостовой, что языки во рту задрывали и заныло в животе. Свернули на ту улицу, где был госпиталь. У ворот их дожидалась тётенька. Она была в белом халате, а из-под халата выглядывала военная гимнастёрка. Она кинулась навстречу и закричала:

— Ну что же вы, ну где же вы? Раненые ждут. Обед уже скоро. Ну, скорее, скорее...

Вошли в госпиталь. Там пахло свежей масляной краской, варёной капустой и каким-то знакомым-знакомым лекарством. Прошли белыми гулками коридорами, поднялись по

БЕСПОЩАДНО РАЗГРОМИМ И УНИЧТОЖИМ ВРАГА !

каменной лестнице, потом протопали по деревянным ступенькам и вдруг очутились на сцене. На сцене стоял такой же рояль, как у ребят дома.

А в зале на стульях и на подоконниках сидели раненые в серых халатах.

Фашисты ранили их на войне, и теперь они лечились в госпитале, чтобы снова поехать на фронт и выгнать фашистов с нашей земли.

Ребята выстроились в два ряда. Степан Степанович заиграл. Ребята запели «Петлицы голубые».

...Тамара танцевала. Она плавно поднимала руки, и опускала их, и вставала на цыпочки, и приседала, и кружилась.

Когда кончился танец, раненые закричали и захлопали в ладоши, а один раненый хлопал ладонью по коленке, потому что у него не было второй руки. Степан Степанович снова заиграл Тамарин вальс, и она танцевала всё сначала. А Валю заставили три раза подряд прочесть «Баясика».

Потом звонил какой-то звонок, приходили тётеньки в белых халатах, говорили:

— Товарищи, ведь обед, идите же, наконец, в столовую!

Но никто не двинулся с места до тех пор, пока ребята не исполнили весь свой репертуар до конца.

ИНЕЙ

Настала зима. Вода в затоне замёрзла, покрылась льдом. Олеся каталась по льду на кошках, а ребят туда не пускали.

Потом затон замело снегом. И всё кругом замело снегом, так что возле дома приходилось самим прокапывать дорожки. Завхоз Исаак Маркович всё-таки достал лошадей и навозил дров, и в доме жарко натапливали печи.

Однажды, когда ребята вышли во двор гулять, они увидели такое, чего раньше никто из них не видел.

Светило солнце. Небо было светло-голубое, как летом. Сосны стояли тихо, не шевелились. Они были белые-белые, каждая веточка, каждая иголочка была покрыта чем-то белым, чем-то сахарным.

— Ой, как красиво! — сказала Тамара. — Как в сказочной книжке.

— Это иней, — сказала тётя Нюра.

А ребята даже не гадели, как обычно. Они стали на крыльце и молча смотрели на сосны. Кругом была тишина. И было слышно, как кто-то вдалеке, в деревне, рубит дрова.

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА

И ещё Исаак Маркович достал керосиновые лампы. Не какие-нибудь контики, а настоящие, со стеклом. Они горели светло и уютно. И вечерами, когда за окнами было темно и тихо, ребята садились вокруг столика с лампой и тётя Нюра рассказывала им сказку:

— В некотором царстве, в некотором государстве жил старый старик, и было у него три сына: Иван Большой, Иван Меньшой да Иван Средний брат.

Жили они дружно, пахали, сеяли, землю свою лелеяли. Всё было бы хорошо, да напало на их землю злое Чудище.

Днём-то тихо, а ночью — лихо. Только стемнеет — палетает Чудище на города и деревни. Как дохнёт огнём — так дым столбом.

Горит город, горит деревня, люди гибнут, дети остаются сиротами. Ходят дети по дорогам, плачут, убиваются, а Чудище над ними насмехается. Как налетит Чудище на поле — так людям недоля: вытопчет пшеницу, сожжёт рожь — ни колоска не соберёшь.

Говорит старик своим сыновьям:

«Собирайтесь-ка все трое: Иван Большой, Иван Меньшой

да Иван Средний брат. Нечего сидеть да горевать, надо с Чудищем воевать. Поешьте посытней да садитесь на коней. В добрый вам час».

Так братья и сделали.

Выехали они в поле, стали темноты дожидаться. Вдруг слышат, из-под земли доносится голос:

«Эй, Иван Большой, Иван Меньшой да Иван Средний брат. Это я говорю, ваша Земля. Вы обо мне радели, сил своих не жалели, сеяли, пахали, устали не знали. Теперь настал мой час с вами за добро добром расплатиться. Видите, вон среди поля дуб стоит? В дубе том чудесная сила, а Чудищу — могила. Отломите себе по суку от того дуба да Чудище этими дубинами и бейте».

Дождались братья темноты. Налетело Чудище на поле, стало пшеницу губить. Тут поднял Иван Большой свою дубинку и огрел Чудище по голове. Замахнулся Иван Меньшой дубовым суком — Чу-

дищу в хвост угодил, а Иван Средний брат своей дубинкой Чудищу хребет переломил.

Тут Чудище и сдохло.

Спилили братья дуб, выкорчевали пень, а в яму Чудище свалили да засыпали. Поклонились они родной Земле, поблагодарили за совет и помощь и вернулись к отцу с победою...

Сказка кончилась. Сначала все молчат. Потом Валя говорит:

— Чудище больше никогда не вернётся?

— Нет, не вернётся, — успокаивает его тётя Нюра.

— А дальше что?

— А дальше будем спать.

Валя капризничает, он просит, чтобы ему рассказали, что было дальше. Но уже поздно. Все ложатся спать и быстро засыпают. Тамара засыпает тоже.

ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

Однажды ребят никто не разбудил. Никто не спел им: «Дети, в школу собирайтесь». Валя открыл глаза первый. Ребята ещё спали. Разговаривать было не с кем. Он пощипал паклю из стенки. Потом сунул мизинец в расщелившееся бревно. Мизинец застрял. Валя его подёргал и вытащил. Из щели выбежал и побежал к потолку маленький чёрный паучок. Вале надоело молчать.

Он подёргал Тамарино одеяло.

— Тамар, а я видел во сне мыльную лошадь. Она была вся красивая, как мыльные пузыри.

Тамара посильнее зажмурилась, потом поняла, что она не спит, и открыла глаза.

— Ой, ребята, как светло! — закричала она. — А где же тётя Нюра?

В коридоре радио цело всем известную и почему-то страш-

ную песню «Идёт война народная...» За стеной на кухне тётя Маруся-водоноска громыхала вёдрами. На дворе запрягали Мишку: Исаак Маркович собирался в город за продуктами. А тётя Нюра не приходила.

Потом прибежала Олеся. У неё были красные глаза и какое-то не такое лицо.

— Ребята, быстро одеваться и в умывальную, — сказала она. — Старшие, помогите маленьким застегнуть лифчики. Умоетесь — садитесь за столики. Я сейчас принесу кашу.

— А тётя Нюра?

— Тётя Нюра не придёт. Тётя Нюра плохо себя чувствует.

А днём ребята узнали, что тётя Нюра получила «похоронную». Тёте Нюре написали, что её муж отважно сражался за Родину и погиб как герой.

Тётя Нюра пришла на другой день. Была она, как обычно.

Только бледная. И всё время туго стягивала косынкой голову.

Ребята вели себя тихо. Даже маленький Валя не капризничал совсем.

ЁЛКА-СОСНА

Приближался Новый год. Ёлка. Только вот не было ёлочных игрушек. Олеся принесла бумаги. Её выкрасили карандашами в разные цвета и выпросили у Исаака Марковича клей. Олеся разрезала бумагу на узенькие коротенькие полоски и научила ребят клеить из них цепи. Склеиваешь колечко, потом продеваешь полоску в это колечко и склеиваешь концы — получается два колечка вместе. Нанизываешь много-

много колечек разного цвета, и получается длинная красивая ёлочная цепь.

Вера Александровна дала немного ваты. Вату смачивали клеем и скатывали в виде морковок. А когда клей засыхал и морковки твердели, их раскрашивали красной краской, приклеивали зелёный бумажный хвостик и ниточку — чтоб вешать. Пока красили и клеили, все с ног до головы выпачкались краской и клеем. Зато было весело.

Олесю кто-то из деревенских угостил орехами. Она их грызть не стала. Принесла ребятам. Орехи тоже раскрасили и приклеили к ним ниточки.

Всё было готово.

Олеся, и тётя Маруся-водоноска, и сам Исаак Маркович отправились в лес за ёлкой. Пошли и пропали. Ребята совсем их заждались. Стало темнеть. Вера Александровна беспокоилась за Олесю. Наконец пришли. Все в снегу, носы — красные, брови — белые, замороженные, как сосульки.

Оказалось, зря исходили все ближние леса. Не растут в них ёлки. Ничего не поделаешь. Срубили маленькую сосенку. Тётя Маруся принесла ведро с песком. Сосенку укрепили в ведре. Запахло снегом и лесом.

Ну и пусть не ёлка. Пусть сосна. Всё равно красивая. Ветки — свечками, прямые, с голубоватой хвоей. И нарядная: на ней яркие цепи, пёстрые орешки и морковки — как настоящие.

Пришёл Степан Степанович. Ёлка-сосна ему очень понравилась. Он играл. Ребята пели «В лесу родилась ёлочка». А потом приходил Дед-Мороз. Он был с длинной белой бородой, в красном пальто с мехом, только без палки. Потому что у этого Деда-Мороза была только одна рука, а в ней он нёс корзину. В корзине лежали аккуратно свёрнутые кулёчки из газетной бумаги, а в них по целому яблоку, по две жареных белых лепёшки, по комочку розовых конфет-подушечек и по куску толстого наколотого шоколада.

Настал Новый год.

ВЕСНА

Постепенно стало теплеть. У сосновых стволов снег стаял, показалась чёрная земля. Около самого берега распустилась верба. На ветках качались маленькие пушистые зайцы.

Ребята набрали сосновых веток, наломали вербы, принесли домой.

Запахло весной.

ОГОРОД

Скоро снег совсем растаял. Вера Александровна выхлопотала «гектар», это земля за домом, за соснами — большое поле. Там теперь пахут и будут сажать огород — «подсобное хозяйство».

У ребят тоже будет огород — прямо позади сарая. Они сами вскопали землю, а тётя Нюра показала, как делать грядки. Вышло семь грядок.

Олеся пошла в деревню, а потом к Исааку Марковичу — добывать семена. Она принесла в пакетиках маленькие гладенькие семечки: и длинные, и узкие, и плоские, и овальные, и круглые — в виде шариков с шипами. В каждом семечке сидела свёкла, или морковка, или репка. Надо было теперь посадить их в землю и поливать водой.

Скоро грядки зазеленели. На них появились тонкие зелёные росточки — всходы.

ПРОГУЛКА НА ЛОДКАХ

На затоне была лодочная пристань. Две или три лодки болтались на причале. Остальные лежали кверху дном — на берегу.

До войны сюда по воскресеньям приезжали люди из

города — отдыхать и кататься. А теперь Олеся иногда училась грести да деревенские переезжали на ту сторону — на картофельное поле.

Однажды вечером тётя Нюра сказала:

— Если все ребята, все-все, лягут спать быстро и тихо и будут как мышки в норке, тогда завтра поедем кататься на лодках.

«Мышки» сначала заорали как сумасшедшие, захлопали в ладоши, но потом притихли. Гуськом пошли умываться, не гремели рукомойником, не брызгались и тихонько улеглись спать.

Тётя Нюра никогда не давала пустых обещаний. На следующий день после полдника пошли на пристань. Разместились в трёх лодках и поплыли по затону. А где кончался затон, была протока. Въехали в протоку и поплыли по ней — прямо в реку Радомлю.

Над протокой сплелись ветками вёстры, сделали зелёную крышу. Листья отражались в воде, сквозь них просвечивало солнце, прямо рядом с лодками солнечные лучи ныряли и плавали на воде.

Выбрались на Радомлю и поплыли против течения. Радомля — широкая, по берегам лес.

Плыли долго, плескались водой, раскачивали лодки — пугали тётю Нюру. Потом все хором пели речную песенку:

Реченька быстрая,
Ты куда течёшь?
Ты куда, реченька,
Лодочку несёшь?

Я теку меж лугов,
Я теку в лесу,
К морю, морю синему
Лодочку несу.

В первой лодке на вёслах сидел дядя Митя — из деревни. Когда от протоки отплыли довольно далеко, дядя Митя

стал грести к берегу; он разогнал лодку, и она с шуршанием заползла на берег. Остальные две причалили рядом.

На берегу в высокой траве росли крупные лесные колокольчики, пахло разными цветами и тёплой травой. В воздухе стоял ровный и тонкий звон: жужжали пчёлы, трещали кузнечики.

Тётя Нюра сказала:

— Погуляем здесь и нарвём домой букеты. Не ходите далеко, и пусть никто не лезет в воду.

Ребята разбрелись по берегу. Валя срывал цветы очень коротко, прямо у самого цветка, так что они не годились в букеты, и подбегал с каждым цветочком к тёте Нюре:

— А этот цветочек кто?

— Это лютик, — объясняла тётя Нюра.

— Что значит лютик?

— Он лютый, как волк, он кусается, — вмешалась Тамара.

И засмеялась.

Валя надулся и отошёл, а через секунду приставал снова:

— А это что?

— Это ромашка.

— А это?

— Это мята.

— Мята? А кто её измял?

— Медведи, — опять поддразнила Тамара.

Потом тётя Нюра плела всем венки из ромашек. Один веночек остался лишний. Не хватило головы.

— А кто без венка? — спросила тётя Нюра.

Никто не ответил. Все только вертели головами в белых ромашках.

Тётя Нюра забеспокоилась и быстро всех пересчитала. Одного кого-то не было. Тётя Нюра стала выкликать по именам. Валя не отозвался.

— Да где же он? Валя-а-а!

Никто не ответил.

— Валя! Валя! — стали звать ребята.

Опять никакого ответа. Тётя Нюра побледнела.

— Все стойте на месте, — сказала она. — Я пойду поищу.

Она скрылась в кустах. Потом вышла из кустов и снова ушла. Потом вернулась. Вали нигде не было. Недавно он был тут, только что приставал с цветами и... вдруг исчез.

Ребята всё кричали и звали, но Валя не отзывался.

Тётя Нюра позвала дядю Митю, он привязал лодки и тоже пошёл искать Валу.

Тётя Нюра первичала, бегала то к ребятам, то в лес. Потом остановилась как вкопанная, ещё больше побледнела и побежала к реке. Она подумала, наверно, что Валя пошёл к речке и упал в воду. Но дядя Митя успокоил её. Он всё время сидел в лодке, к реке никто из ребят не подходил.

— Пусть бы ребяташки поискали, — сказал он. — Давайте всем миром по кустам поищем.

— Нет-нет, — запротестовала тётя Нюра. — Так они все перетеряются.

— Авось нет. А ну, ребята, берись все за руки, — командовал он.

Пошли все разом. Стеной.

— Куда ему тут пропасть? Сейчас сыщем.

Ребята пошли вытянутой цепочкой, крепко держась за руки.

Тётя Нюра шла сзади и всё время всех пересчитывала.

Вдруг Ишпочка-красавица споткнулась. Её правая нога ушла куда-то под землю, и она упала носом вниз и потащила за собой тех, кого держала за руки. А из ямы, которая была скрыта высокой травой, неслись истошные крики:

— Ой, медведи!.. Медведи! Медведи!..

Все кинулись к яме, и тётя Нюра выволокла оттуда ревущего, перепачканного Валу.

— Как ты туда попал?

— Я провалился, я не нарочно!

— А почему ты не откликался?

— Да-а, а медведи?

— Какие медведи?!

— Я боялся, что услышат медведи!

— Какие медведи?

— Лесные, — проговорил Валя сквозь слёзы и заревел так, что его не скоро удалось успокоить.

Поплыли домой. Солнце садилось. Лес по берегам Радомли потемнел, только кое-где ярко вспыхивали в закатном солнце стволы сосен. Было тихо. Какая-то птица поскрипывала в кустах.

— Это коростель, — сказала тётя Нюра.

Ребята примолкли.

Валя задремал.

Когда выплыли из протоки в затон, увидели, что на пристани кто-то стоит. Это была заведующая, Вера Александровна.

ТАМАРА ЗАБОЛЕЛА

Тамара отодвинула миску с супом:

— Не буду.

Тётя Нюра не поняла:

— Что, горячо, что ли?

— Не буду.

— Совсем не будешь? Не хочешь есть?

— Не хочу.

— Не капризничай, Тамара, мы же пойдём потом сосновые шишки собирать. И Олеся пойдёт. И Альфа. Кушай, детка.

— Никуда не пойду. Ни с кем. Я спать хочу.

Тётя Нюра пощупала Тамарин лоб.

— Ого! Да ты уж не захварываешь ли?

После обеда позвали Веру Александровну. Она посмотрела Тамару, послушала, постучала по спине, поглядела

горло, надавив на язык холодной блестящей пластиночкой — шпателем.

— Ничего, Тамусик, — сказала она весёлым голосом. — Скоро поправишься. — А потом вышла за дверь, вздохнула и совсем уже невесело сказала тёте Нюре: — И где она могла зацепить? Сыпь. Горло красное. Похоже, что скарлатина. Уложите её в изоляторе, я через час зайду.

«ОЛЕСЯ, ТЫ МОЯ МАМА?»

Тамаре больно глотать. Глазам жарко. Голова горит. К ней часто приходит Вера Александровна.

Изоляторная сестра тётя Зоя всё время кладёт ей на голову мокрое, холодное полотенце. Полотенце сразу нагревается. Тётя Зоя мочит его в тазу, выжимает и кладёт снова.

Кто-то в белом халате входит в изолятор. Тамаре больно повернуть голову. Тамаре трудно открыть глаза. Кто-то подходит к кровати, садится рядом и говорит шёпотом что-то хорошее.

Тамара с усилием поднимает веки. Это Олеся пришла. Она сама сменила холодный компресс. Она где-то раздобыла настоящую конфету в бумажке и положила её в Тамарин горячий кулак.

Добрая, хорошая Олеся. Тамаре хочется плакать.

— Олеся, может, ты моя мама? — спрашивает она неожиданно.

Олеся глядит грустно и качает головой. Она гладит Тамарины растрёпанные волосы. Она знает, что Тамарина мама погибла в Минске во время фашистского палёта. Но она не может сказать этого Тамаре. Она говорит:

— Может, ты поспишь?

И на цыпочках выходит в коридор.

ПОЭТЫ

Тамара уже поправлялась, когда заболел Валя. Потом Инночка-красавица. Потом в изоляторе не хватило места — заболели ещё пять человек.

Но всё-таки настал день, когда поправились все. Тётя Нюра встречала всех радостно и весело. Когда в комнату вошёл бледный, похудевший Валя, она так и ахнула:

— Валенька, мальчик, как ты вытянулся!

А Тамара, которая вернулась из изолятора на неделю раньше, пританцовывала вокруг него и пела:

— Мальчик с пальчик влез в карманчик, мальчик с пальчик влез в карманчик... Тётя Нюра, хорошо я стихи сочинила?

Инючка-красавица сказала:

— Я тоже умею. Знаешь, что я сочинила? «На кровать улёгся кот, у него болит живот». Это про Каплатика.

— А откуда ты узнала?

— Что?

— Что у него живот болел?

Инючка застеснялась, а потом хитро прищурила свои голубые глазёнки и сказала:

— Он мне сам сказал. Вот.

— Ну и ладно, — сказала Тамара. — А у меня ещё другой есть стих, я в изоляторе, когда лежала, сочинила. «Цветик-семицветик, радостный цветок, вот бы у тебя бы выросли бы ножки».

Валя, который всё это молча слушал, вдруг сказал:

— Плохой стих.

— Почему это?

— Нерифменный. Он — нерифменный.

— Сам ты нерифменный, — обиделась Тамара. — Э-э, Валька перифменный!

— Ну тебя, ну тебя, Томка!

Вмешалась тётя Нюра, развела поэтов по разным углам.

Если бы кто-нибудь подошёл к тому углу, где Валя возил по полу кубики, то он услышал бы такое бормотание:

Самолёт летит, гудит,
Наш советский лётчик
Вдаль глядит.
Показались танки — трах, трах,
Разбомбили всех фашистов.
Наши победили!

Потом всё бормоталось сначала.

УРОЖАЙ

Пока болели, наступил август. Кто не был в изоляторе, вместе с тётей Нюрой и Олесей ухаживали за огородом. Поливали, носили воду из затона. Пололи. Прореживали морковку и свёклу.

Росточки окрепли.

У морковки выросла красивая вырезная ботва.

Огурцы зацвели маленькими жёлтыми граммофончиками. К ним прилетели пчёлы. Протискивались внутрь жёлтого цветка и вылетали оттуда с довольным жужжанием. Потом жёлтые цветы завяли и отвалились. Появились маленькие огурчики — пуплята.

И вот однажды был назначен день, когда весь обед должен был готовиться из овощей с ребячьего огорода. Вечером пошли на огород с тётей Нюрой. Позвали Олесю. Пригласили Веру Александровну.

Вале доверили выдернуть первую морковку. Он уцепил морковку за пушистый хвост, дёрнул. Ярко-оранжевая, кургузенькая, с кусочками сырой земли, она была похожа на улыбающуюся рожицу.

Тамара сказала:

— Здравствуйте, Морковка Валентиновна!

И все засмеялись. Потом все дёргали по очереди: морковку, ещё морковку, свёклу. Выдернули несколько кустиков картошки — на суп.

А на следующий день был невероятно вкусный обед. И всем давали добавку.

**«ЗДРАВСТВУЙ,
ИННОЧКА-КРАСАВИЦА!»**

Однажды утром, после завтрака, открылась дверь, вошла Вера Александровна, а с ней высокий военный. Он быстро оглядел всех ребят по очереди и воскликнул, протягивая руки:

— Здравствуй, Инночка-красавица!

Инночка поглядела на него своими круглыми синими глазами, и вдруг закричала, и бросилась к нему, и уткнулась лицом в его гимнастёрку. Это был Инночкин папа!

А дело было так. Инночкиного папу ранило осколком в ногу. Его отправили в госпиталь. Доктор-хирург вынул у него осколок. Теперь нога у него совсем не болит. И он опять уезжает на фронт. А целых два дня он пробудет с Инночкой. И со всеми ребятами тоже.

НЕЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ

Никто ничего не знал, никто не слышал этого разговора. И Тамара тоже не слышала.

Пришли как-то к Вере Александровне двое незнакомых людей. Мужчина и женщина. Женщина протянула ей какую-то бумажку.

Она сказала:

— Муж уже больше не сможет вернуться на фронт. Он просил, настаивал, но врачи не признают его годным. Будет работать на заводе. У нас никогда не было детей. А сейчас так много сирот. Мы хотим взять себе ребёнка. Не бойтесь, мы воспитаем его как родного. Мальчика или девочку — всё равно.

Никто не слышал этого разговора. Просто к ребятам пришли двое незнакомых людей. Они разговаривали с ребятами, играли, смотрели, как ребята обедали. Потом ушли.

Назавтра они приехали снова. Они привезли цветные карандаши и две настоящие тетрадки. Из тетрадок вынули скрепки, и всем ребятам хватило листочков. Все рисовали.

Тамара нарисовала дом, и забор, и дорожку и подарила гостям свой рисунок. Женщина ласково погладила её по головке...

Вечером, когда Олеся пришла сказать ребятам «спокойной ночи», Тамара подзвала её к своей кровати. Она стала шептать Олеся на ухо:

— Олеся, мне кажется, сегодня приходила моя мама. Это моя мама? Да, Олеся?

Олеся смутилась. Что сказать Тамаре? Она уже слышала, что этим людям понравился мальчик — Толя Нестеров и на днях они, наверно, за ним придут.

— Олеся, это моя мама. Ты не веришь?

Тамара расплакалась.

МАМА И ПАПА

Неизвестно, по каким делам Вера Александровна ездила в город. Мало ли у заведующей в городе дел!

А на следующий день опять приехали те двое. Они привезли с собой узелок. В узелке было платье для девочки, туфли, кофточка и панамка. Они прошли прямо к Вере Александровне. Вера Александровна позвала Тамару к себе. Она сказала:

— Тамара, ты теперь будешь жить не в Сосновке, а у мамы с папой. Твои мама и папа пришли за тобой.

...И Тамара ушла. Она обещала приезжать к ребятам и к тётё Нюре, она со всеми попрощалась, и Вера Александровна дала ей большой пакет на дорогу. У тётё Нюры текли слёзы, но она сказала, что это от радости. Она поцеловала Тамару, поправила на ней панамку, застегнула пуговицу на кофточке и сказала:

— Ну, в добрый час. До свидания.

СОСНЫ ШУМЯТ

Сосны шумят. Машут ветками, сыплют жёлтой хвоей на землю, на крышу деревянного дома, к дверям которого прибита вывеска: «Средняя школа».

Война кончилась давно. Кончилась славной, незабываемой победой.

Давно уже в деревне Сосновке нет «Дома ребёнка».

Все дети стали взрослыми. Но они до сих пор помнят этот деревянный дом и сосны, которые всё шумят и шумят в вышине.

А ещё они помнят тех людей, которые в те далёкие трудные годы старались сделать их жизнь беззаботной и радостной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ночь	2
Олеся	3
Рояль и Сметан Сметаныч	6
Репертуар	10
Госпиталь	12
Иней	15
Вечерняя сказка	17
Идёт война народная	19
Ёлка-сосна	21
Весна	24
Огород	—
Прогулка на лодках	—
Тамара заболела	30
«Олеся, ты моя мама?»	31
Поэты	32
Урожай	34
«Здравствуй, Инночка-красавица!»	36
Незнакомые люди	37
Мама и папа	38
Сосны шумят	39

РИСУНКИ Н. УСТИНОВА

Для дошкольного возраста

Ирина Петровна Токмакова

Сосны шумят

Ответственный редактор Л. Я. Либет. Художественный редактор А. Е. Цветков. Технический редактор Г. Г. Стан. Корректор Г. Ю. Гнётова. Сдано в набор 6/III 1974 г. Подписано в печать 26/IX 1974 г. Формат 60×90¹/₈. Бум. типгр. № 1. Уел. печ. л. 5. Уч.-изд. л. 3,52. Тираж 300 000 экз. Заказ № 3230. Цена 21 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Ростовполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, Сущевский вал, 49.

Т 70801—566
М101(03)74 Без объявл.